

Леонид Десятников

В СМОЛЬНОМ СОБОРЕ
АВТОРСКИЙ ВЕЧЕР
КОМПОЗИТОРА. ДАЮТ
ТРИ ЕГО ВЕЩИ, СВЯЗАННЫЕ
С РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ
КЛАССИКОЙ, — РАННИЕ
(«ДАР» И «ПИНЕЖСКОЕ
СКАЗАНИЕ О ДУЭЛИ И
СМЕРТИ ПУШКИНА» И
РОССИЙСКУЮ ПРЕМЬЕРУ
НОВОГО СОЧИНЕНИЯ НА
СТИХИ ЛОМОНОСОВА
(ПОДРОБНЕЕ О КОНЦЕРТЕ
НА С.24)

ОБ ЭТОМ КОМПОЗИТОРЕ написано очень много. Почти каждое издание обеих столиц, считающее себя культурным, обращалось к нему за интервью. И эти интервью гораздо лучше говорят о композиторе, нежели аналитические статьи и материалы. Леонид Десятников вообще из тех артистов, что лишают кусок хлеба собственных интерпретаторов. При том что в таких интервью он подчеркнуто скромнен.

Столь же нарочито скромнен он и в своих композиторских притязаниях: последовательно играет в этакое творца-бис, который творит из уже сотворенного. Ловит рыбку из ведра с рыбкой. Мы, мол, велосипедов не изобретаем — просто работаем по моделям. Возьмем Гайдна, Сен-Санса, Шуберта, тут синтаксис сдвинем, там гармонию подправим или ритм. Работая «в сторону» («Лебедя») и «по канве» (Астора), Десятников прячется за личину

ремесленника, беря пример со Стравинского. Он считает важным и ценным сам характер своих связей с прошлыми музыками. И предлагает слушателю полюбить нечто эфемерное — по сути, свою частную композиторскую жизнь. В этом есть большая амбиция и в смысле редукции индивидуальности — мол, моя все равно будет слышна, — и в смысле уверенности в том, что частная жизнь будет интересна другим людям. На то и другое Десятников имеет право. Его голос негромок, он предпочитает небольшие формы, но его приветия ранним коллегам самоценны. И он знает об этом — отсюда и нарочитая скромность. Ироничная такая.

Ирония — сердцевина музыки Десятникова. Она нечаянно присваивает, играет с традицией, но не продолжает ее. Она неизменно красива и якобы доступна. В одном из многочисленных разговоров для прессы Десятников пошутил, а его не поняли. Я, говорит, коммерческий композитор. Все продано, поставлено, сыграно, написано. Тут главное, что композитор, который, как известно, отличается от некомпозитора тем, что не писать не может, воздерживается от перепроизводства и выдает ровно столько, сколько мир от него просит, сколько мир может переварить — чем и отличается от графомана. Пожалуй, с этим связаны любовь исполнителей и не любовь коллег. Ведь далеко не каждый композитор умеет создать на себя спрос.

Стиль Десятникова узнается двояко. С одной стороны, по манере говорить легко о трудном. Муки Шубертова «Шарманщика» распыляются в почти минималистских пассажах. Русский романс стынет на морозе абсурда. Фольклор Поозерья пропускается сквозь фильтр скрипичных экзерсисов. С другой стороны, по технике сдвига, слышимой в каждом моменте звучания. А сдвиг и есть ирония. Привычные связи между вещами трогаются с мест, чтобы сложиться в новый пазл. Именно техника сдвига придает музыке Десятникова однородность и целостность.

Сегодня все музыки актуально существуют в настоящем. История музыки представляется как абсолютный коллаж. Любое частное обращение к ней неизбежно оказывается частным же случаем абсолютного коллажа. Но представить универсальный механизм культуры как личную собственность — сильный ход Десятникова. Опять-таки, вслед за его кумиром Стравинским.

У Десятникова на сегодняшний день три лучших сочинения. Вокальный цикл на стихи Олейникова и Хармса «Любовь и жизнь поэта», концерт для скрипки, сопрано и струнного оркестра «Русские сезоны» и симфония для хора и оркестра «Зима священная 1949 года». Это шедевры. Уровень мастерства и в других вещах столь же высок. Но обычно Десятников замкнут на культуру, ограничен «музыкой о музыке», а здесь прорывается к чему-то более всеоб-

щему. Возможно, потому, что техника сдвига применена не к отдельным музыкальным особям, а к целым видам.

Эта техника иронического клонирования легла в основу оперы «Детей Розенталя», вещи нежной, ностальгически печальной и лукавой, вероятно, задуманной как вершинная, но все-таки не ставшей вершинной, — скорее всего, именно потому, что эта игровая природа оказалась здесь персонифицированной: по сцене ходили «Моцарт», «Мусоргский», «Вагнер», «Верди» и «Чайковский». Напротив, попытки поставить на музыку Десятникова балет всегда удачны, это и «Как старый шарманщик» Алексея Мирошниченко, и «Русские сезоны» Алексея Ратманского, и хореографическая версия оперы «Бедная Лиза», предпринятая Аллой Сигаловой. То есть результат может быть разным — удачна сама мысль обалетить десятниковские упражнения в стиле. Он, конечно, любит играть с такой музыкой, которая и сама по себе абстрактно-дансатна. Но дело еще и в том, что он о ней как бы танцует. Такая вот у него легкая манера обращаться с любимыми предшественниками, танцевать о музыке.

Так что четвертым шедевром вполне может стать следующая крупная работа Леонида Десятникова — балет по Бальзаку «Утраченные иллюзии» для Большого театра, который поставит тот же Ратманский.

БОРИС ФИЛАНОВСКИЙ